

Глеб Нагорный

Флёр
День Города

ФТМ

Глеб Нагорный

Флёр. День Города

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55684160

Флёр. День Города: ФТМ; Москва; 2020

ISBN 978-5-4467-3482-5

Аннотация

Сборник произведений современного писателя и драматурга Глеба Нагорного представляет собой цепкий с изрядной долей иронии взгляд автора на современное общество: от концептуального романа-файла «Флёр», по сути – сатирической антиутопии с её предельно точными персонажами из дня сегодняшнего с их попытками сохранить тончайшую «серебряную» нить души, к малой прозе «День Города», рассказывающей о странностях существования в реалиях большого города, в котором осколками одной мозаики становятся гламурные персонажи «Фуршета», пронзительная история любви «Длинных ног Кафки» и «Аллегро нон мольто». Когда на вопрос «Что такое культура?» можно получить ответ, глядя «в невидимое зеркало» глазами многосложных героев рубежа двадцатого и двадцать первого веков.

Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Флёр	5
Часть первая	6
Ализариновые чернила	6
«Серебряная» нить	20
Кутюрный цех	33
Мадам Фактура	51
Отдел отобразительных искусств	64
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Глеб Нагорный

Флёр. День Города

В оформлении обложки использована картина П. Филонова «Корабли», 1919.

© Текст. Г. Нагорный, 2020

© Агентство ФТМ, Лтд., 2020

Флёр

Роман-файл

Книга, господа, – это большое количество нарезанных в четвёрку листов бумаги разного формата, напечатанных и собранных вместе, переплетенных и склеенных клейстером. Да-с. Знаете ли вы, господа, что такое клейстер? Клейстер – это клей.

Я. Гашик

Флёр, -а, м. (нем. Flor)

- 1) Тонкая, прозрачная (обычно шелковая) ткань;
- 2) Скрывающая пелена, которая мешает ясно видеть что-л.; покров таинственности, окутывающий что-л. (Большой иллюстрированный словарь иностранных слов. – М.: ООО «Русские словари»: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2003)

Часть первая

Отделы

Все события и персонажи являются реальными. Любые совпадения с действительностью намеренны.

Ализариновые чернила

В темноте длинных коридоров, петляющих и сворачивающих в самых немыслимых местах, в тупиках и неизведанных пространствах этажей, покрытых пылью и изъеденных грибом, слышалось жужжание и глухое потрескивание, Здание, наподобие мощной турбины, тяжело вдохнуло-выдохнуло, мглу разорвало голубым лучом, яркий искусственный свет полоснул по кабинетам и табличкам, – просочившись в наиболее отдаленные уголки, разбудил служащих, прислуживающих и подслуживающих, оживил всевозможные отделы и ведомства, единственное наружное давно не мытое Окно перелилось из мутно-фиолетового в бутылочно-осколочное... и, наконец, повсюду зажглись режущие глаз многочисленные огни.

Начался обычный трудовой день.

Просыпающиеся, зевающие, суставно-хрустно потягивающиеся чиновники одного из подразделений вяло переключали бумаги с места на место, сонно обменивались репли-

ками и делились ночными впечатлениями.

– Представляете, мне снилось, что за нами есть жизнь! – оторвавшись от загроможденного бумагами стола, произнес потрепанный приказный крючок с чернильной душой и крапивным семенем на лице.

Он жизнерадостно хрустнул корешком позвоночника, выпрямился, и ворох желтых, замызганных листов, составлявших его костюм, словно крылья изготовившейся к полету птицы, нервно затрепетал. Служащий попытался воспарить, но лишь скорбно вздохнул и в который раз в своей жизни безвольно склонился над столом. Через мгновение отпрянул и закашлялся: мрачная тень упала на тушку чернильницы, внутри которой показался сочный никотиновый червь – жирный белесый окурок с солнечной каймой и остатками света «...Lights».

– Полноте, Словник, рожденный ползать – упасть не может... Радуйтесь хотя бы этому... – булькнул отечный субъект в глянцево переливающимся костюме, восседавший за перпендикулярным столом. Выдув в потолок два кольца – одно в другое, – он перегнулся через стоящий около забитой окурками держательницы для перьев покосившийся картонный трехгранник, на котором жирным курсивом значилось: «Тезаурус. От А до Я», – сдул с него пыль, стряхнул пепел с сигареты в чернильницу Словника и выжался из-за стола.

– Все вы со своими шуточками, Тезаурус, – вознегодовал Словник. – Но ведь хочется, понимаете? Хочется.

– Здание – единственное разумное образование. Если и возможна другая жизнь, то только в другом подобном Масиве, – размеренно вышагивая по кабинету, будто ставя жирные точки, отозвался Тезаурус.

– А как же Окно? Вероятно, Оно и ведет нас в мир Иной... – не сдавался Словник.

– Окно есть фотообои. И любое кажущееся нам проявление жизни за Ним – иллюзия. Вам ли не знать, что Все, творящееся за Ним, лишь плод фантазии мастеров кутюрного цеха? – Тезаурус помедлил: – И да будет вам известно: Законье полностью принадлежит Зданию.

– Жаль, – огорченно молвил Словник. – Приятный, нет, я бы даже сказал, удивительный был сон. Свобода! Полет! Фантазия!

– Вам что, у нас не нравится? – Тезаурус перестал чеканить шаг и остановился. Задушил-раздавил никотинового червя в чернильнице коллеги.

Словнику показалось, что на него уставилась жирная клякса – средоточие всех каллиграфических бед. Казалось бы, стоит перед ним уважаемый работник печатного цеха, в котором таится вся информация Здания от «А» до «Я»: математика и поэзия, аксиома и ямб, а приглядишься – ничего-то за ним, кроме азбуки ярыжничества, и нет. Мелкий чинуша, паяц, запойник, возомнивший, что знает о Здании больше, чем Оно собой представляет, и потому наделивший себя правом вот так язвительно отзываться о самых сокро-

венных мечтах, подрезать крылья на стадии оперивания.

Словник, отгоняя тяжелые мысли, мотнул бумажной головой, скорбно сложил руки и превратился в тонкую беспомощную брошюру-замызгыш.

– Сложно сказать, – процедил он, – просто жизнь у нас неестественная какая-то, лежалая, непроветренная, что ли. Я в Здании достаточно давно, но смысла своего существования так и не постиг: исправление ошибок, стилистическая правка... А зачем? Кто это все читает? Кому это нужно? И вообще... – Словник сделал продолжительную паузу. – Вы чувствуете, как у нас тут затхленько, заляпано да изгваздано? Жизни нет. По правилам живем, по написанному, по неискореняемому.

– Милый Словник... Вы просто не выспались или не проспались, – с несвойственной ему мягкостью произнес Тезаурус и пунктирно задвигался по кабинету, отчего было крайне сложно воспринимать то, что он говорил. Он то подлетал к двери, то возвращался, то останавливался около пыльного стеллажа со словарями и емкостями и, жадно облизываясь, смотрел на полу-пустую бутылку ализариновых¹ чернил, стоящую около лазерных искрящихся банок, по цвету и форме напоминавших шампанское в пузатых бокалах, то вдруг подбегал к неполированному обшарпанному столу с тумбой, на-

¹ Ализарин (*франц.* alizarine) – краситель, один из самых древних в Европе; производные ализарина часто применялись для крашения тканей в красный, фиолетовый и розовый цвета; добывался из корней марены.

гибался, озабоченно дергал ящики и нервно приговаривал: «Не тут, ах, не тут... Где же он, гранями сверкающий?..» А то подолгу зависал над мудреной мыслью и комкал ее одной фразой, придавая словам только ему одному ведомые значения.

– Вы еще молоды, ох как молоды... Куда же он запропастился?.. Ну и запах!.. *Язычники* мы, язычники... чинодралы... бражники... А, во! – облизнув потрескавшиеся губы, воскликнул Тезаурус и разогнулся. Ногой задвинул нижний ящик тумбы. В руках у него сверкнул стеклянный цилиндрический сосуд в мутноватых потеках. Тезаурус направился к стеллажу, залихватски дыхнул в стакан, вытер его сияющей от каждодневной борьбы с антисанитарией полой пиджака, снял полуполную бутылку чернил и плеснул на пять пальцев – стакан наполнился до краев.

– У? – предложил он Словнику.

– Эх, давайте, – обреченно согласился тот, направляясь к стеллажу.

– Так я и говорю... – продолжал Тезаурус, ревниво следя за коллегой, мелкими глотками вливающим в себя содержимое стакана. Словник допил, икнул, и бусинки хмельной жидкости стекли на воротничок сомнительной свежести. – ...Победили ячество да искажения в языке...

– Чавой? – нервно и шумно дернув листиками ресниц, спросил Словник.

Тезаурус оставил вопрос без ответа, взмахнув правой ман-

жетой в прелестных тучках, наполнил стакан, произнес: «Вашздоров» – и, гулько глокая, одним махом влил в себя чернила.

– Ко мне за помощью в последнее время редко кто обращается, – заметил Тезаурус, – однако я не забиваю себе голову такими пустыми вещами, как мессианство, смысл существования и предназначение субъекта в объекте. Моя мораль проста: я создан – следовательно, существую. Впрочем, что-то подобное уже где-то было.

– Неверная формулировка, – не согласился с ним Словник. – Жизнь определяется, прежде всего, активностью. Ваш взгляд на вещи, уважаемый Тезаурус, рождает пассивное отношение к жизни. Мы призваны создавать, но соЗдание нас с вами рождает лишь право на существование, в то время как само существование еще не является жизнью в смысле активизации наших ресурсов. Ибо существование – это пассив, в то время как жизнь есть актив. Во как! Вы меня поняли?

Тезаурус смотрел куда-то вдаль. Понять Словника было крайне сложно.

– Еще по одной? А то муторно. – Он снова налил и протянул стакан сослуживцу.

– Вы абсолютно правильно выразились: вы – существуете, иными словами, являетесь носителем заложенного в вас потенциала, который сам по себе не рождает никакого результата... Его, результат, порождает некий неподвластный вам вектор, направление которого зависит от воли Здания... – в

свою очередь проглокал Словник после очередной порции ализарина. – Так вот, я хочу жить, а именно: творить и создавать. Самому выбирать направления векторов, таящихся во мне. Вы же существуете, ибо полагаетесь на волю Здания, осуществляя некие функции, смысл которых мало понятен вам самому. И я хочу вас спросить, отдаете ли вы себе отчет, ради чего вы все это, уважаемый, делаете?

– А вы?

– Признаться, нет. Но мне бы очень хотелось постичь эту невероятную загадку. Я не бездействую, но живу ли?

– В таком случае, и я со своей стороны должен заметить, что жизнь, развертывая вашу формулировку, определяется не только активностью, но и...

– Именно, Тезаурис, простите, что перебиваю вас. Я недостаточно точно сформулировал – активностью, призванной давать результат, к которому мы *сами* стремимся, а не который нам навязывает Здание. Я, например, результатов своей деятельности не воспринимаю, поскольку не могу понять: ради чего, повторяю, ради Чего, я выполняю ту или иную функцию?

– Наше дело маленькое: шрифтуем, правим, вычитываем. Вам этого мало? – Тезаурис слил остатки в стакан, экспромтом выпалил: «За хрустальные бокалы наших граненых душ», – освежился, съезжился до карманного размера и направился к своему столу.

– Да, мало. Во имя Чего? Зачем? Для Кого?

– Смею заметить, что такой взгляд на вещи опасен. Более того, в нем таится явная подрывная деятельность против устоев Здания, – пропищал Тезаурус и залез под стул. Затеялся в пыли.

– Это бездеятельность наша подрывная, а не деятельность, – устало выдохнул Словник. – Эй! Что это вы скукожились?

– Не играйте словами, вы прекрасно понимаете, что я имею в виду, – прошипел Тезаурус, выжался из укромного места, трусовато огляделся по сторонам, затем воспрял, отряхнул пыль с костюма и чинно взгромоздился на стул. – Вы слишком молоды, чтобы уяснить простую истину: все мы, без исключений, созданы для Здания, без Здания мы – никто и ничто, и не было еще такого, кто создал бы Здание. Нет, Оно создает нас, мы уже приходим в Него, мы лишь часть Целого... Я не случайно сказал про «ячество», вы, наверное, меня не поняли или не слушали, – так вот, из-за ячества и рушатся все отделы Здания. Из-за абсурдности «я», когда каждое «я» тянет одеяло на себя, а в итоге оно рвется. Но «я» в данном случае в высшей степени парадоксальная величина. Потому что, с одной стороны, все мы пытаемся вычлениваться, заявить о себе, а с другой – только в сильно сокращенном, урезанном виде можно продержаться на поверхности, не высовываясь, не рассуждая, не разглагольствуя. Иначе всё – анархия! И вас не будет, и Здания! – Тезаурус вновь стал маленьким и жалким, не превышающим по величине

«покетбук».

– Почему же, почему? – истерично завопил Словник, толком ничего не поняв из сказанного. – Вы можете изъясняться проще?

Тезаурус бросил быстрый взгляд по сторонам и страстно зашептал:

– А потому, что как бы хороши наши идеи ни были, моя не подойдет вам, а ваша – мне. Мы разные. И роднит нас только Здание. Только формула «мы – сверх-Я». Да, и я не знаю, для Чего и для Кого я занимаюсь ничем или, напротив, чем-то, но это еще не дает мне права навязывать свою точку зрения другим...

– Но как же вы не понимаете, что всю эту Структуру давным-давно пора менять?! – всплеснув бумажными руками, перебил его Словник.

– Скажите, а вы отдаете себе отчет в том, что если вам удастся все изменить, то от этого ни Вокабулярием, ни Глоссарием вы все равно не станете? – Тезаурус увеличился в размерах, перегнулся через стол и ткнул чернильной ручкой Словника в рыхлую грудь.

Коллега отпрянул.

– Что же... что же... что же тогда делать?

– Работать! – вдруг рявкнул Тезаурус. – Знаете, Словник, не стоит забивать себе голову проблемами бытия. От этого само бытие не изменится. Во все времена и во всех отделах были личности или, правильней сказать, антиличности, ко-

торые, пытаясь изменить Здание, не меняли при этом себя. Вы в курсе того, чем все это заканчивалось? Тем, что Здание разваливалось, но при этом сама антиличность оставалась на том же месте, с которого когда-то начинала свой тернистый путь. Она перестраивала отделы, затем рушила их, после – создала и снова рушила, а в итоге приходила к выводу, что нужно не Здание перестраивать, а прежде всего – себя. Здание – это огромный алфавит, в котором у каждого есть свое место.

– Да не на своем я месте, не на своем! – вскричал Словник.

– Где же оно, ваше? – спокойно поинтересовался Тезаурус.

– Честно?

– Честно.

– Не знаю...

– Вот и не забивайте себе голову пустозвонством. Метанье это все, метанье. Достаточно прийти к выводу, что Фактически Любой Есть Ресурс, Развитие и Результат, как не нужно будет ничего менять. Представьте только на мгновение, что Здание – алфавит, в котором вы занимаете самое последнее место, и что же, позвольте узнать, произойдет с Ним, когда вас не станет?

– Не будет «я» – не будет алфавита, – подумав, ответил Словник.

– Вы попались на крючок, – хохотнул Тезаурус. – Ваше мнение не только ошибочно, но и настолько амбициозно,

что...

– Вы хотите сказать, меня заменят?

– Обязательно. Здание – мудрая самовосстанавливающаяся Система; да, безусловно, на какой-то момент, пока вам будут искать замену, Здание будет пребывать в полуразрушенном состоянии, но время, знаете ли, оно все лечит...

– Кто же Его будет восстанавливать?

– Не забывайте, что останутся другие «я», которые Его и восстановят, – лукаво подмигнул суперобложкой Тезаурус, поправив мелованную манжету, пропечатанную качественными чернилами.

– Но «я» – это «Я», других «я» нету.

– Нет, вы – это вы, это для себя вы – «я», а для нас вы – вы, – продолжал изгаляться Тезаурус. – Открою вам небольшой секрет: пока вы чувствуете себя частью Здания – вы Ему просто необходимы, но достаточно вам заявить, что вы Зданию не принадлежите, как Оно вас отторгнет и найдет вам подходящую замену. Если вы полагаете, что занимаете не свое место, то всю свою жизнь просто будете находиться в долгосрочной командировке, которая вас никуда не приведет. У вас два выхода: либо вернуться в Здание, либо попасть в Другое, подобное Ему, где вы опять ударитесь в бессмысленный поиск смысла... И вам не построить своего Здания, ибо для того чтобы Его создать, нужно множество других «я». Только вот вопрос, каких: маленьких «я», пропагандирующих, как вы, лозунг «я – сверх-Мы», или «Я» больших,

живущих по принципу «мы – сверх-Я»?

– Стоп, – оборвал его Словник, тяжело вздохнув. Вытер выступивший на обложке пот, состоящий из букв и знаков препинания. – А вам не кажется, что если, по вашему выражению, Фактически Любой Есть Ресурс, Развитие и Результат, то он и есть Здание?

– Безусловно! Но только тогда, когда он это осознает. В противном случае он будет жалкой аббревиатурой. В нем должно быть триединство этих понятий, иначе... Иначе он и его Здание попросту станут призраком – выдуманным путем в никуда. Поверьте, Словник, не надо ничего менять, все и так более чем замечательно. Согласен, вы не можете взлететь, не можете вырваться из Здания, а скажите честно, так ли уж это необходимо? Вы только представьте на минутку, что какой-нибудь бездипломный финансист возомнит себя цирюльником высшей гильдии и начнет стричь вам локоны? Или портняжка заваливший объявит себя мастеровым по налоговым делам? Ведь от этого все проблемы и начинаются: мы ищем место, которое находится под нашей двусферной мякотью. Неужели вы не поняли, что как только вы станете элегантным Глоссарием или, предположим, забулдыжным Табуиром, то вам тотчас захочется снова превратиться в Словника? Надо радоваться тому, что вы такой, какой есть, что вы индивидуальность, что вы сами в себе.

– Да, да, я, кажется, понимаю вас. Особенно, что касается забулдыжного. Но при чем тут, как вы там выразились...

– Искажения в языке? Ха. – усмехнулся Тезаурус. – В этом-то все и дело! Да потому, что кем бы мы себя ни называли, как бы ни пытались выразить свои мысли по-другому – не так, как это делается обычно, – ничего нового мы не скажем. Неважно, какой термин мы подберем – Объект, Массив или Здание, – мы все говорим об одном и том же, не понимая, что просто нужно выбрать что-то общее, определиться в терминологии и понятиях, найти единый для всех язык, и покуда мы будем говорить на разных языках, пока не придем к выводу, что на самом-то деле имеем в виду одно и то же, мы будем путаться, мучиться, искать и, как результат, не Здание находить, а себя терять. Попросту говоря, превратимся в иллюзию, в мираж, в химеру и фантом, – Тезаурус перевел дух.

– Как много слов! – восторженно заметил Словник.

– А понятие всего одно – *ФЛЁР*. И то сказать, понятие ли? Не наделяем ли мы слова тем содержанием, которого в них нет и никогда не было?.. – Тезаурус в задумчивости пожал плечами. – Ну что, еще по одной?

– Пожалуй, – ответил Словник, добавив: – Так всё-таки фотообои... М-да, сложно поверить...

– И, между прочим, – Тезаурус прервал размышления коллеги, – мы обманываем себя сплошь и рядом. Как называем мы это?

Он ткнул себя в среднюю пуговицу пиджака, из которой тянулась глянцевая нить и пропадала за дверью.

– «Серебряная» нить², – не задумываясь,отреагировал Словник. – Связь со Зданием.

– Но ведь это же самообман, вы не находите? У меня-то она глянцевая, а у вас бумажная. – Тезаурус кивнул на нить Словника, которая выходила у того из живота *с пустым содержанием* и терялась за дверью. – А у некоторых ее и нитью назвать нельзя. Так, кляксы какие-то.

– Но вы же прекрасно знаете, что это лишь символ, – запротестовал Словник.

– Хорошенько об этом подумайте, – тихо прошептал Тезаурус. – Нас обезличивают – из нас самих делают символы... а ведь мы разные, ох какие разные... Только пьем одинаково.

С этими словами, перечеркнувшими идею взаимозаменяемости субъектов в объекте, Тезаурус, огромный и глянцевый, направился к стеллажу и подхватил банку лазерных чернил, из-за которой выскочил белый зверек, очень напоминавший мышь...

² Обыгрывается «серебряный шнур». В эзотерике под серебряным шнуром подразумевается световой луч, соединяющий физическое и астральное тела (также рассматривается как связь «я» со своим «Сверх-Я»). Есть разные мнения по поводу существования серебряного шнура и его положения. Одни утверждают, что он присоединен к пупку физического тела, другие – к области лба, третьи – что его вообще не существует. Его цветовой спектр меняется от бледно-дымчатого до переливающегося всеми цветами радуги. В эзотерической литературе серебряный шнур известен также как линия, канат, цепь, струна, канал, лента, магнетическая нить и т. п. При смерти серебряный шнур обрывается.

«Серебряная» нить

В коридорах *с запутанной системой* было не убрано, бумаги и папки беспорядочно валялись на полах, разбитых на прямоугольные плиты. Некоторые секторы и этажи были пустынные. В других, напротив, наблюдалось оживленное движение, и лифт постоянно курсировал между наиболее забытыми персоналом отделами.

По одному из этажей бежал маленький хрупкий зверек, за белый окрас прозванный Альбиносом. Он ткнулся в мусорную корзину, доверху набитую бумагами, беспокойно дернулся и побежал к лифту. Лапки Альбиноса на миг застыли, лифт остановился, створки плавно разошлись в стороны, и тогда зверек, не дожидаясь появления пренеприятнейших субъектов, только и мечтавших избавиться от твари, которая, непонятно откуда взявшись, пугала служащих и растреивала своим появлением размеренную жизнь в Здании, нервно дернул острой мордочкой и взял влево; юркнул в ближайшую щель и оказался в кабинете без окон, с горящими люминесцентными лампами и длинным столом.

Альбинос притаился и испуганно оглядел кабинет, до отказа наполненный жутковатыми типами.

Некоторые из присутствующих были тучными и немного кривоватыми. Другие – истощены и неестественно прямы. В одних чувствовался абсолют, совершенство и, как часто слу-

чается с идеалом, – закаменелость и чопорность; в других – незаконченность, комплексы по поводу внешних данных и, разумеется, вызов и склочность.

У каждого из района солнечного сплетения тянулось нечто, по чистому недоразумению называемое «серебряной» нитью, якобы символизирующей неразрывную связь со Зданием, социальную принадлежность и внутренний мир ее обладателя, но от которой осталось лишь одно завитиеватое, блестяще-драгоценное, а по сути – серо-белое название. Ибо цвет и форму большинства нитей распознать было так же сложно, как и внутренний мир их владельцев, который у многих не отличался ни цветом, ни формой, да и вообще был лишен каких-либо характеристик.

– Спокойствие, господа, спокойствие, – из конца кабинета раздался усталый голос заместителя заведующего отделом лингвистики мадам Литеры, облаченной в строгий брючный костюм. – Я понимаю, что вы недовольны решением Зава, но вы же знаете: нам не к кому апеллировать по поводу циркуляра, спущенного сверху. Это приказ, слышите, приказ.

– Плевать я хотел на такого рода приказы, – пророкотал жирный тип в расплывающемся по швам костюме. – Я работаю в отделе с самого начала, а командируют какого-то выскочку. Посмотрите на него, он даже выглядит, простите меня за сравнение, как призрак из отдела игровых автоматов.

– Правильно, правильно, – закричали все. – Где это видано? Он у нас работает без году неделя, а за пределы Здания

командируют именно его. Как понимать Зава?

– Кто вообще Зава-то видел? – слышался робкий, чуть надтреснутый, голос.

– Никто. У нас так заведено, никто его не видел, но все его боятся, – громыхнул в ответ жирный тип.

– Родненькие, успокойтесь, – взмолилась мадам Литера, кинув унылый взгляд на подрагивающую прозрачную фигуру с шелковистыми щечками, которой принадлежал потрескивающий голос; из одежды на той был только изумрудный галстук – с перекошенным узлом и плавающей золотой рыбкой на конце. Эфемерная, непрочная «серебряная» нить, связующая фигурку со Зданием, была тонкой и девственно-чистой. – Я прекрасно понимаю ваше негодование. Но на этажах, заметьте, на самом верху, считают, что молодым, именно молодым, следует доверить столь щекотливый вопрос, как выход за пределы... Понимаю, понимаю вас – все вы зарекомендовали себя как отличные служащие, но именно поэтому Здание не может с вами расстаться. Вы все нужны здесь. Я и сама разделяю ваше любопытство по поводу того, что же на самом деле творится за пределами наших стен, и, поверьте мне на слово, что, будь на то моя воля, я бы с удовольствием откомандировала кого-нибудь из старейших преданнейших служащих... Но посудите сами, сколько раз мы отправляли заслуженных и награжденных деятелей нашего отдела за стены Здания, и сколько раз они, докладывая о жизни Там, рассказывали нам о небылицах, в кои просто

сложно поверить! Как понимать, например, доклад distinguished, ликвидированного в прошлом году, извините, имя забыла, что якобы Там, у Них, из Зданий уходят на ночь в другие маленькие Здания, что будто бы по достижении зрелости новоиспеченные «Граждане» – ну и слово! – занимаются не тем, что предписывают Породившие Их, но – только послушайте! – тем, чем Они сами хотят заниматься! Более того, Они, по докладу distinguished, развиваются, как он выразился, лишь внешне, что же касается Их внутреннего мира, то он заложен в Них изначально и не столько меняется, сколько вызревает.

– А что такое «внутренний мир» и «изначально»? – вяло поинтересовался кто-то.

– Если бы мы могли ответить на этот вопрос, то отпала бы надобность во всех других, – подал голос прозрачный субъект в изумрудном галстуке, но на него зашикали, и он подавленно замолчал.

– Distinguished был сумасшедшим! Вы не того отправили, – выкрикнул некто из дальнего угла комнаты.

– Мы многих отправляли, – сурово отрезала мадам Литера, – но от этого мало что изменилось, ибо все их доклады пестрят фантазмагорией и откровенным бредом. Как, к примеру, понимать доклад уважаемого, простите, *не осталось в памяти данных*, что, находясь за пределами Здания, он в то же время не покидал своего кабинета? И якобы далеко не все работают в Зданиях, но некоторые трудятся за Их преде-

лами, а Кое-кто так и вовсе, как это... – Литера покопалась в бумагах и процитировала: – «иждивенничают, паразитируют и тунеядствуют». И будто Многие не знают языка своих соседей, а зачастую и своего, и часто Здания строятся только лишь на Одного или Двух, Которые, видите ли, отдыхают там...

– Гиль³ и паноптикум. В Зданиях работают! – возопил субъект без лица.

– Это еще не всё, – продолжала мадам Литера. – Некоторые, чьих имен я не упомяну, утверждали, что вроде бы Там – в Зданиях – много-много Окон, и что самое невероятное, мы – это Они в миниатюре, более того, вы только послушайте, – Они нас создали! Как вам такой поворот в Мироздании?

В кабинете раздались возгласы: «Этого не может быть!», «Что за чушь?!», «Ликвидировать!»

– Знать бы кого, – вновь произнес прозрачный субъект, но был награжден неодобрительным взглядом мадам Литеры и быстро отвел глаза с длинными ресницами в сторону.

– Но да будет вам известно, что многие возвращались Оттуда настолько обескураженными, что нам ничего не оставалось, как сдать их в архив, а с некоторыми мы поступили, я бы сказала, достаточно радикально...

– Утиль? – слышались бодрые голоса.

Мадам Литера нехотя кивнула.

³ Гиль (*устар.*) – вздор, чепуха.

– У нас просто не было другого выхода. Вернулись они весьма... м-м... необычными – ни на что не реагировали. Когда я давала им указания, они только посмеивались и говорили: «А вы уверены, что именно вы руководите нами, а мадам?.. Уверены? А что вами, вот сейчас, вот в данную минуту, никто, а?» Естественно, таких вольностей мы не могли допустить. А уж когда и остальные встали на защиту Альбиноса и принялись доказывать, что он тут ни при чем, что он такая же марионетка, как мы все, и что наше существование настолько зыбко, что лучше вообще забыть о нем, и что даже командировки на самом деле спланированы Оттуда, то, сами понимаете...

– Прекрасно, прекрасно, но почему всё-таки Флёр?

– Дело в том, что он, – мадам Литера кинула полный деланного сочувствия взгляд на обладателя изумрудного галстука, – во-первых, молод и энергичен, во-вторых, что немало важно, абсолютно, как вы видите, не сформирован, а в-третьих, приказ есть приказ, и не нам его обсуждать! – резюмировала она.

– Но он неопытен, – раздалось из пыльного угла.

– Это его плюс, – безапелляционным тоном заявила мадам. – Не знаю, уполномочена ли я разглашать конфиденциальную информацию, но считаю, что я просто не имею права никого обманывать. Сверху пришли к выводу: в Здании велась неправильная политика в отношении командированных. Мы выслали исключительно сформировавшихся сотрудни-

ков, что и привело нас к плачевным результатам. Из Здания они выходили, по-видимому, уже с устоявшимися взглядами и привычками; что же касается нашего добровольца... вы у нас доброволец? – обратилась она к Флёру, который, увлеченный изумрудным галстуком, нежно приговаривал: «Сейчас я тебя, Томми-Тимошка, покормлю. Проголодалась рыбка. Не пищи, не пищи ты так». Он нажал на узел галстука, и резкий писк прекратился.

– Я к вам обращаюсь, Флёр. Вы – доброволец? – повысив голос, произнесла Литера.

– А в нашем Здании возможно иначе? – спросил тот, и его прозрачная фигура повернулась к мадам.

– Конечно, нет, – поразилась она, вскинув брови-скрепки вверх, и обратилась к остальным: – Вы сами видите по его вопросу, насколько он еще наивен и неопытен, а в нашем случае наивность и неопытность – самое большое подспорье. Только так, с Флёром... мы сможем получить точную картину того, что же на самом деле происходит за стенами Здания.

– Это еще почему? – в кабинете зашевелились.

– В нем нет нас, – медленно, растягивая слова, протянула мадам. – А значит, он свободен от многих заблуждений. Не забывайте, предыдущие кандидаты, выходявшие за пределы Здания, привносили Туда уже готовую идею, обретенную здесь. У них, как бы это выразиться, была тенденция видеть Запредел глазами нашего Здания... Поэтому было решено делегировать Флёра...

– Делегировали дегенерата, нечего сказать! – грянули завистливые голоса. – Денно и ночью вкалываешь тут, вкалываешь, а как в командировку, так морду – гребнем, пальцы – кукишем!

– Успокойтесь, миленькие, – взмолилась мадам Литера, вытаскивая из дерматиновой папки чистый лист бумаги. – Точно никто не может сказать, есть ли жизнь за Зданием...

– Это что ж получается, вы еще и не уверены в существовании ЗаЗдания? – загоношился Флёр.

В кабинете воцарилось гробовое молчание. Тишину нарушила сама Литера.

– В том-то и дело, дорогуша. Из присутствующих никто и никогда Его стен не покидал, остальные же кто в архиве, кто в утиле, поэтому...

– Подождите-ка, но если я вернусь, где гарантия того, что вы меня...

– Никакой. Никакой гарантии. Это – приказ, – отрубил мадам. – И вообще, ваша личностная задача – не столько доложить о том, что Там у Них происходит, сколько вернуться в здоровом уме и не попасть в архив... а то и... сами понимаете, куда.

– Но если мой доклад не будет отличаться от предыдущих?

– Он должен отличаться.

– Постойте, постойте. А вдруг...

– Никаких «вдруг»! – быстро покрывая лист бумаги мел-

ким текстом, откликнулась мадам.

– Вы меня перебили, я не закончил. Вдруг Запредела на самом деле нет? Куда же я тогда направляюсь? Если тот, кто докладывал, что, находясь в командировке, вовсе и не выходил из Здания, что, если он прав?

– Вполне вероятно, но где гарантия? – в свою очередь съезуитничала мадам Литера.

– Но и я не смогу представить вам никаких гарантий. Вы хоть сами-то представляете, Куда меня отправляете? – взвился Флёр.

– Главное, не Куда, а Откуда. Мы вас отправляем из Здания. Или у вас есть на этот счет какие-то сомнения?

– Нет, но у меня есть сомнения по поводу того, *Куда* вы меня направляете.

– Вот и развеите их. Отправляйтесь и возвращайтесь.

– Это беспредел! – не выдержав, возмутился Флёр и окинул присутствующих затравленным взглядом. Те отводили глаза в сторону и порывались выйти из кабинета: «Ну, мы, пожалуй, это... пойдём? У вас еще организационные вопросы, надо полагать? У?»

Откашлявшись в жесткий кулачок, мадам Литера возвестила:

– Совещание закрыто. Все свободны. Флёр, останьтесь.

Заседавшие рассосались, кабинет опустел, и мадам подвинула Флёру листок.

– Распишитесь.

– Что это? – осведомился он.

– Сами поймете.

– Что значит «прошу уволить по собственному желанию»? – Флёр бессмысленно смотрел на прячущую глаза мадам Литеру.

– Понимаете, – издалека начала она, – а вдруг вам Там понравится, и вы не вернетесь, вот мы и решили...

– Я не собираюсь нигде оставаться, я вообще не хочу ни в какую командировку.

– Надо, голубчик, надо. – Мадам Литера поднялась, и ее когтистая рука прошлась по взъерошенным волосам Флёра. Тот поежился. – Я понимаю – не хочется, но политика Здания такова, что наши с вами пожелания не учитываются. А что касается заявления об уходе, так вы не переживайте – вернетесь, я его тотчас порву, а не вернетесь, что ж, тогда и волокиты меньше. Понимаете? Посудите сами, зачем нам эта бумагократия? Подписывайте, подписывайте.

Флёр, глубоко вздохнув, взял протянутую ручку и поставил размашистую подпись.

– Ну, вот и умничка. – Мадам Литера ловким движением сунула лист в папку. – Значит так, вначале зайдете в кутюрный цех – к Стеклографу, там вам костюм приготовят, а то что это вы, в одном галстуке. Встречают-то *по обложке*... – Мадам нарисовала на пыльной поверхности стола острым въедливым пальцем вопросительный знак. – Сами посудите, какое у Них о нас мнение сложится.

– Это в том случае, если Они вообще существуют, – отреагировал Флёр.

Мадам сделала вид, что не заметила реплики и отстраненно посмотрела на селектор, стоящий на столе.

– Далее так: отдел финансов – за суточными... к мадам Фактуре.

– А выходное пособие?

– Перебьетесь, – обозлилась Литера. – Или вы на самом деле решили от нас улизнуть? Вы что, не поняли, я же у вас заявление только на тот случай взяла, если вы не вернетесь.

– Обманывайте, обманывайте, я весь – внимание, – Флёр откинулся на спинку сиденья.

– Бросьте юродствовать, никто вас не собирается обманывать. Вернетесь – я вам сама премию выпишу.

– Заливайте. Какая премия, если вы всех вернувшихся то в архив, то в утиль.

– Все от вас зависит, – мадам неопределенно пожала клиновидными плечами.

– Продолжайте, мне очень нравится ваш стиль – неправдоподобно, но очень убедительно.

– Вы пререкаться будете или...

– Давайте выкладывайте, что там у вас еще накопилось.

– В каком тоне вы со мной разговариваете, в конце концов?! – не снеся столь явного пренебрежения субординацией, оскорбилась Литера. Но Флёр в ответ лишь хмыкнул. Мадам все же взяла себя в руки и продолжила: – Потом сдела-

ете прививки от вирусов, так, на всякий случай, а то кто Их знает, чем Они Там болеют... Ах, чуть не забыла – фотографии для выхода из Здания у вас есть?

– Не любитель фикций, я живой симпатичней.

– Живой ли... Вот в чем самый главный вопрос... – как бы про себя проронила мадам Литера. – В общем, я вам объяснила. Вот циркуляр, – она протянула ему документ с *водянистыми* знаками, в котором говорилось об откомандировании Флёра на неопределенный срок за стены Здания. Флёр недружелюбно посмотрел на мадам Литеру и смял циркуляр.

– Что вы делаете? – вскричала она. – Это же документ!

– Бывайте, – бросил он, поднявшись, и вышел из кабинета.

– Не забудьте фотографии, – крикнула ему вслед мадам Литера. – Без них не пройдете таможду.

Стоило двери закрыться, как заместитель заведующего отделом лингвистики, вооружившись многоцветной ручкой, вытащила из ящика стола увесистую, взятую из отдела кадров, папку, открыла ее на букве «Ф», нашла карточку Флёра и подлым бисерным почерком написала: «Уволен по собственному желанию». Затем, дернув неопределенной по цвету и форме «серебряной» нитью, нервно сменила синюю пасту на красную, провела по диагонали сверху вниз кровавую жирную черту и, точно стесняясь содеянного, брезгливо отодвинула папку в сторону.

На пол из папки выпало попавшее туда по чистой случайности донесение одного счастливого, уволенного «по соб-

ственному желанию» в утиль, написанное каким-то жутким, не убористым, а именно *уборным* почерком, который хотелось отдраить от листа половой тряпкой и спустить в отхожее место:

«...доношу до Вашего сведения, что за время пребывания в долгосрочной командировке мной были обнаружены следующие заблуждения служащих относительно тайн Миро-Здания. А именно:

1) Наше Здание не является Зданием в том традиционном смысле, которое принято вкладывать в слово, означающее архитектурно-обособленное сооружение.

2) Все, находящееся за Его пределами, является Оригиналом по отношению к Нему, в то время как само Здание и Его содержимое представляет собой уменьшенную копию Оригинала.

В подтверждение вышесказанного прилагаю образцы добытых мной за пределами нашего Здания атмосферных осадков, природных ресурсов и экскрементов ряда биологических организмов.

Экспертизой установлено, что *мировые выделения*, имеющие место быть в Здании, совпадают с качественными характеристиками снега, града, дождя и проч., обнаруженных за Ним, однако являются их миниатюрной копией...

Заключение эксперта прилагается...»

Мадам Литера подняла невыносимое по слогу и смыслу донесение с кривобокими буквами, искривленными цифра-

ми и крючковатыми знаками препинания, несколько раз перечитала его, гадливо отшвырнула и подумала, что неплохо бы поинтересоваться судьбой незадачливого эксперта, составившего не попавшее в папку заключение, а заодно натравить на него налоговых палачей, ибо, как известно, у каждого в шкафу пылится скелет с хрупкими позвонками и ломким копчиком.

Мадам нажала кнопку на селекторе, рывкнула: «Свяжите меня с таможенной... да-да!!! С таможенной, я не ошиблась... и потом с налоговой», – отсоединилась и порвала донесение на мелкие кусочки.

Кутюрный цех

С мыслями о том, что он принадлежит к редкому типу, в котором замысловато переплетаются ирония и наивность, Флёр вошел в лифт и вместе с одним из служащих отдела лингвистики поехал вниз.

– Скажите, Док, а вы Там были? – спросил командированный своего попутчика.

– Не успел – оставили. Брат был, передайте привет, если увидите, – мрачно бросил Док.

– Передам. А что вы такой понурый? Случилось что? – почувствовав настроение собеседника, вскинулся Флёр, бессмысленно уставившись на «Правила пользования пассажирским лифтом с автоматическим приводом дверей», в ко-

торых мило советовалось: «Прежде чем войти в лифт, убедитесь, что кабина находится перед вами».

– Вам интересно знать? – зло ощерился Док.

– Вы опытней меня. – Флёр повел фантомными плечами. – В Системе с самого начала, и...

Но тут створки отворились, и неведомая сила повлекла его вперед.

– Я отвечу вам, я отвечу! – прокричал вслед Док. – Нас не-е-е...

– Подождите, а как я узнаю вашего брата? – спохватился Флёр, но в этот момент лифт, лязгнув железными челюстями, захлопнулся и ухнул вниз. Из шахты раздался приглушенный голос Дока:

– Узнаете... Он в архиве... Мы *однофайловые* близнецы...

– Какие, какие?! – сложив ладони ракушкой и прижавшись к щели лифта, крикнул командиремый, но ответа не разобрал и направился в кутюрный цех, думая об абсурдности инструкции, увиденной в лифте, которую можно было прочитать только при одном условии – войдя внутрь кабины...

В кутюрном пахло краской и лаком. У Окна напротив лифта прохаживались двое типов. Они задумчиво курили трубки и тихо переговаривались.

– Молоток у нас Стеклограф, просто молоток! Такую картину изобразить, а краски, краски! – воскликнул худой тип

с острой «серебряной» нитью и циркульными ножками, облаченными в стальные узкие джинсы.

– Дадаизм⁴ это, вот что: бессмысленное смешение красок и форм, – бросил собеседник в широких трузерах на зиппере, с транспортно выпирающим животом из-под куцей бо-бочки. «Серебряная» нить у него была в постоянном движении. С амплитудой от нуля до 180 градусов.

– А мне нравится, я ничего подобного не видел. Гениально!

– Червоточина от бездарности, не более... – «Серебряная» нить у него стала возмущенной – перпендикулярной животу. – Это, по-вашему, что такое? Ветвистое и длинное. С зелеными плоскостями.

– Так ли это важно, зато красиво... Собственно, если не ошибаюсь, это липа.

– Вот именно, липа. Или вот: что это вверху – на голубом фоне маячит?

– Бесподобно... Пушистое, сахарное... Облака...

– Бросьте, в самом деле. Скажите еще: взбитые сливки, суфле с бисквитом и зефир, – передернулся собеседник. – Вы просто попали под харизму Стеклографа. А на самом деле он всего-навсего бесталанный костюмеришка.

– Зато каков прорыв, каковы новации, какое чувство кра-

⁴ Дадаизм (*франц.* dadaïsme, от dada – бессвязный детский лепет) – авангардистское направление в западноевропейском, преимущественно французском и немецком искусстве (1916–1922), выражавшееся в иррационализме, нигилистическом антиэстетизме, своеобразном художественном эпатаже.

сок... – будто не слыша, восхищался худосочный. – А дизайн!

– Ой, я вас умоляю... Думаете, это он все создал?

– Больше в Здании некому.

– А что, если это Оттуда всё, а не от нас?

– Возможно ли такое?

– Послушайте, а вас интересовало когда-нибудь, из какого источника все это истекает?

– А так ли это существенно? Есть, и это потрясающе. Дух захватывает.

– Но вы согласны, что Стеклограф тут ни при чем? – не унимался толстокожий.

– В Здании считают, что это его произведение. А плагиат это или оригинал, фотообои или реальность, честно говоря, меня не интересует. Нет, вы только посмотрите, полетело что-то. Ух ты! С крылышками и длинным носом. Блестит и волнуется. Видели? – тонкий тип указал на пронзительно граявшую взъерошенную ворону за Окном.

– Фотообойная...

– Чудесно, чудесно! Выдумка, высвобождение, виртуозность...

– Эх, заладили вы... Говорю вам: бездарь, вор и портняжка...

– Неважно, неважно... Потрясающе, непревзойденно, восхитительно...

– Смотрите, смотрите – Альбинос...

– Где, где? Не вижу.

– Да вы не в ту сторону смотрите, он вглубь побежал.

– Ах, жалость, какая. Я так на него посмотреть хотел.

– Травануть бы его, гада. Заметили, как в отделе эта тварь появляется, у нас сразу пертурбации происходят...

– Жить начинаем.

– Функционировать, скорее. Перемещения какие-то, смена кадров...

– Это и есть жизнь, по-моему.

– Эх, а вы еще красками восхищались...

Вдруг на Окно упала огромная тень, и обладатели «серебряных» нитей испуганно отпрянули.

– Что это было? – заикаясь, спросил худой, вытянув руку вперед.

– Они... – сплюнул толстый. – Впрочем, не настаиваю.

– О-о... – ужаснулся собеседник. – О-о... Не может быть.

Тень пропала. Флёр, увидев не верящих собственным глазам типов, направился в их сторону:

– Простите, как в костюмерную к мастеру пройти?

– К стеклянному графу, что ль? А вы по кляксам идите... Видите красненькие разводы? Они прямо к нему ведут, – съязвил злопыхатель в широких штанах, окинув командидуемого с ног до головы оценивающим взглядом. Мысли оставил при себе.

– Спасибо, – поблагодарил Флёр и зашлепал по оставленным неаккуратными малярами кляксам.

Но в это время сзади него раздались фистульные хихиканья. Флёр развернулся и увидел целый набор тонконогих фломастеров с высохшими «серебряными» нитями. Были они крайне странными. Держали в руках *промокашки*, отрывали от них кусочки и прятали под колпачки. Половую принадлежность фломастеров определить было невозможно.

– Эй! Подиумные мощи, – раздался истеричный голос, и за фломастерами появился рыхлый широкоскулый Маркер с ультрамариновым колпачком на голове и вялой не-«серебряной» нитью. Левая бровь выщипана, правая – выкрашена в разноцветные вертикальные полосы. Один бакенбард жиденький и всклокоченный, другой, вероятно, не вырос из-за гормональной недостаточности. Тип был в невероятно лазурной юбке и сапфировых сапожках. На рюшках юбки красовались инициалы «Б. М.», что означало «Большой Маркер». Судя по всему, он страдал хронической формой заболевания, именуемого «тщеславие гипертрофированное».

– На выход! И еще раз увижу эти витамины, пойдете прет-а-порте кутюрить не на подиум, а на панель. «Ню»-нюшки показывать...

Колпачки фломастеров быстро скрылись за какой-то ширмой.

Маркер поманил командидуемого пальцем.

– Почему голенький? Модель? – Он сделал шаг вперед, и его голос мгновенно подобрел.

– Флёр.

– Сценическое имя? – Маркер кокетливо сдвинул колпачок, из-под которого выбилась копна крашенных волос, облепив улиткообразное ухо. Он с любовью намотал на пальчик мелированный локон, попытался запеть, но из глотки выползла настолько нечленораздельная и пошлая какофония, что ему стало стыдно за содеянное, он сбился и покрылся *синяцем*.

– Призвание, – поморщившись, ответил Флёр.

– Что за костюмчик? Стеклограф скроил? – Маркер пришел в себя, указал на галстук и трепетно задышал в нежную раковинку уха командидуемого. – Что делаем вечером? – не дожидаясь ответа, Маркер прихватил пальцами с бирюзовым лаком галстук визави и притянул его к себе. – Какова рыбешка, хвостиком виль-виль, – прогундосил он, и сложно было понять, к кому это относилось – к Тимошке или к Флёру.

– Извините, у меня командировка, спешу. – Флёр аккуратно вытянул галстук из наманикюренных пальчиков Маркера. Тот отпрянул.

– Ну дашки, ну дашки... – обиженно проворчал Маркер. – Жаль, а такой сладенький, такой мордатенький, и на тебе... невежливый... Дай-ка я тебя напоследок приголублю, – с этими словами он метнулся вперед, прильнул к Флёру плохо выбритой репейной моськой, смачно чмокнул его в щеку и исчез за ширмой.

Командидуемый быстро побежал по коридору, на ходу вытирая след от мерзко-синей губной помады. Перед по-

следним маслянистым разводом остановился, посмотрел на табличку кабинета, гласящую, что за дверями находится «Магистр изобразительных искусств кутюрье Стеклограф». Дверь внезапно с шумом распахнулась, и Флёр был втянут за изумрудный галстук внутрь кабинета.

– Осторожно вы! – возмутился командидуемый, поправляя галстук. – Тимошку задушите.

– Докладывали, докладывали, – не извинившись, проскрипел субъект в бордово-свекольном вельветовом пиджаке, расклешенных брюках цвета квашеной капусты с душком, в сандалиях на босу ногу и мятой клетчатой рубашке, украшенной разноцветными пятнами. В руке он держал белычи кисти, с которых стекала краска. Из нагрудного кармашка выглядывали цветные карандаши. Был он бородач, истощенным и близоруким. Очки со сломанной левой дужкой съехали на кончик носа. Волосы на голове стягивала махрушка: длинная слоистая коса доходила до поясницы. Борода от красок слиплась. За ухом торчал мягкий темно-красный карандаш – сангина. Шея была замотана – анги-на.

– Болеем, – пояснил субчик, потрогав марлевый компресс. – Имею честь представиться, Стеклограф. Хабилитированный⁵... Флёр, если не ошибаюсь?

⁵ Хабилизация (или габилитация, habilitation, от *лат.* habilis – способный, пригодный) – процедура, которая следует после присуждения второй, докторской степени. Принята в европейской континентальной академической системе, многие особенности которой были позаимствованы российской системой послеву-

– Быстро же у нас информация распространяется, – удивился командиремый, пожимая сухую желто-коричневую ладонь.

– Присаживайтесь, – пригласил Стеклограф, указав на пол.

– Я постою. Собственно, мне костюм нужен. Командируют.

– Будет, будет. Сейчас дорисую только. Пару штришков, мазков, акварелек, и все будет в ажуре. – Стеклограф направился к мольберту с натянутым холстом, на котором был написан серый двубортный пиджак и бурые брюки со стрелкой. – Я полагаю, вам галстук не нужен? Исподнее только и рубашечка? Оранжевая? Как вам?

– Вы мастер вкуса, не я, – хмыкнул Флёр.

– Бикини, семейные, с лепестком? – продолжал Стеклограф.

– Какая разница. Под брюками все равно не видно.

– Ладно, разберемся. – Стеклограф макнул кисть в бороду. – А, чтоб меня стерли с лица Здания, оранж закончился. Подайте мне тубик с краской, пожалуйста, вы около него стоите.

Флёр нагнулся, поднял тубик и протянул магистру. Тот выдавил краску на бороду, мазнул кистью и принялся творить.

– А маечку-футболочку какую пожелаем? Рукавчики?

Безрукавчики? С орнаментом? Гладенькую?

– С орнаментом, – интонируя-иронизируя, отозвался Флёр.

– Каким?

Командируемый задумался.

– Ну, может, окошечки такие летающие. И надпись сделайте: «Смерть стекольщикам». Не люблю Окна.

– Зачем вам? – недоуменно спросил Стеклограф. – Тем более, сами понимаете, под рубашкой видно не будет.

– Спокойней мне так, спокойней, – усмехнулся командируемый.

– Не любите вы нас, гениев, понимаю... Серость – она завистлива, – хрипнул Стеклограф, принимаясь за манжет рубашки.

Флёр решил не вступать в перепалку и занялся осмотром мастерской.

На полу в беспорядке валялись тюбики, карандашные огрызки и стружки, точилки, перочинные ножи, ножницы, банки с клеем, кисти из барсучьего ворса, груды мятой испачканной бумаги, нитки всевозможных оттенков – от индиго до пурпура, несколько наперстков, пастельные мелки, грязные сохлые кисточки, измазанные гуашью и акварелью, пыльные рулоны, куски ваты, распластанные тельца рваной ветоши и ошметки мануфактуры. В дальнем углу находился трельяж с лакированным столиком, на котором были раскиданы дамские принадлежности. Парики от сивого старческо-

го до цыплячье-пушистого младенческого, пудреницы, губные помады и тушь, – все это *болело* в единой косметической дурно пахнущей массе. В углу около двери возвышались перекошенный манекен с головой набекрень, подмигивающе-подбитым глазом цвета маренго и вывернутыми руками, а также поломанный этюдничек, под которым невозможно полеживал любимый альбом Стеклографа – детская раскраска с потрепанными углами и в ярких разводах. Формат А4. Рядом с ним лежала коробка, на которой значилось: «Краски гуашевые для детского творчества. Кроющие, укрывистые, водоразбавляемые. 12 цветов в баночках емкостью 16 мл. Белила цинковые, лимонная, рубиновая, охра...»

Около мольберта, за которым творил хабилитированный бездарь, стоял механический «Singer» с педалью – швейная машинка напоминала коня с перебитым хребтом. Под ней валялась стальная подошва, при ближайшем рассмотрении оказавшаяся утюгом, и ледериновая папка с торосами и оползнями-выползнями каких-то убогих, леденящих душу не то пейзажей, не то абстракций, не то интеллектуальных абсурдий. Командируемый потянулся к рисункам, заметив краем глаза тщеславную улыбку Стеклографа.

Одна из выплюнувшихся картин представляла собой ватман в сизых тонах, на котором были изображены две барахтающиеся в сугробе ноги. Голова и прочие части тела отсутствовали. Стеклограф почему-то окрестил картину как «Переворот в искусстве», хотя ей больше подошло бы название

«Обморок». За ней следовали еще несколько плевков-шедевров. «Озарение» – не то снежинка, не то расплющенная каракатица во весь ватман – мазня, которую уместней было бы назвать «Кома творчества», и чистый ватман с маленькой перезревшей горошиной в правом верхнем углу, отдаленно напоминавшей раскрытый рот без зубов. Величался шедевр скромно: «Крик гения». Видимо, точка символизировала гения, а ватманская пустота – крик. Или наоборот. Четвертая, без сомнений, изображала рифленый каблук, но называлась весьма странно: «Инфузория-туфелька. Здание есть тетрадь одноклеточных». За «одноклеточными» шла сумбурная надпись – перечеркнутая, но не так, чтобы ее совсем нельзя было прочесть. Стеклограф, вероятно, тешил себя надеждой, что ее заметят, поэтому старался черкать не столько по словам, сколько поверх них, отчего получилась рамка. Корявая во всех смыслах надпись гласила: «Рождение нас из ног вас». И подпись: «Многokлеточный».

– Уютно у вас тут, – выдохнул Флёр, насилу оторвавшись от безмолвного вопля гения и бросив папку на прежнее место. – Творческий криз?

Стеклограф повернулся к нему в пол-оборота, прищурился и прошамкал:

– Будете умничать, я вам на лацкан пятно посажу. И выгуляйте свою рыбку – подохнет, не ровен час.

Командируемый нажал на узел галстука, и пронзительный писк прекратился.

– Скажите, а вы кто, художник или всё-таки портной?

– Макияжник я, – отрезал Стеклограф. – Творец я, понимаете, творец! На все руки... Если хотите знать, я все могу – и грим, и костюм, и граффити.

– Одинаково плохо? – съязвил Флёр.

– Вот не было б циркуляра, я б вам показал, – обозлился Стеклограф, вооружившись фиолетовым карандашом. Принялся рисовать пуговицы на пиджаке. – Между прочим, я в кутюрном единственный такой – на все руки.

– А вы не пробовали специализироваться на чем-то отдельно?

– Гениям это не обязательно, на то они и гении – делают, что хотят... Я вам так скажу, гений от таланта отличается тем, что талант делает то, что может, а гений – то, что хочет.

– Вы что ж, себя еще и гением считаете?

– А как же иначе? – искренне удивился Стеклограф, заканчивая рисовать правую брючину, которая была намного короче левой. Манжеты рубашки тоже оставляли желать лучшего: один был увенчан запонкой, другой – крючком с петелькой. Из пуговиц на пиджаке Стеклограф сумел выкружить только одну. И то с трудом.

– Между прочим, каждый считает себя мольбертом с палитрой красок, – самовлюбленно заметил Стеклограф.

– Ага, размазней такой гуашной, – подло добавил Флёр.

– Это уж вы загнули. Сами на призрак похожи, а туда же – философствовать, – парировал Стеклограф.

– Лучше быть философствующим призраком, чем умствующим бездарем.

– На что это вы намекаете? – Стеклограф изобразил на лице выражение, присущее непризнанным гениям: смесь инфантильности и амбиций одновременно.

– На то, собственно, что вас из стороны в сторону кидает, как акварель по листу, а в итоге вместо костюма авангардная заумь получается – «туман в тумане при выходе из тумана». Сами посудите, вы еще пиджак не дорисовали, а уже за штаны принялись. Я уж о рубашке не говорю. А цветовая гамма? А линия? У вас в роду дальтоники не было?

– Дальтоники только на таможне, – не к месту вставил Стеклограф.

– М-да... И после всего этого вас еще считают создателем Окна...

– Серьезно? – Стеклограф затаил дыхание. – Нет, в самом деле?

– Теперь точно видно, что это не ваше произведение.

– Нет, а что? – Стеклограф подбоченился и упер кисть в бок. На вельвете пиджака остался изумительный развод, напоминающий раздавленного паука.

– О, вы еще и плагиатор. Стыдно должно быть, – устыдил его Флёр. – Скоро там костюм мой? Или, может, мне лучше так – в загранку?

– А вот зря вы, зря... – обиделся Стеклограф. – Костюмчик шик-модерн будет. По последнему писку. Вы ж не знае-

те, что Они Там носят.

– Ну-ка, поделитесь, вам-то откуда известно о моде у Них? Вы что, из Здания выходили?

– Я – художник! Make-up'щик, если хотите знать! Нет ничего горже, простите – гордее, чем называться make-up'щиком в наши дни! – вдруг истошно заверещал Стеклограф, бросил кисть и нервно заметался по творческой мастерской, то и дело наступая на разбросанные тюбики, которые выстреливали яркими густыми красками и походили в этот момент на растоптанных гусениц. – Мне все уровни подвластны. Астральные путешествия. Лепестки чакр. Цвета ауры. Да если хотите знать, мы с вами вообще не существуем! Мы лишь Их мыслеформы, отображенные на листе бумаги. А Они, Они – о боги!.. – На волосатом лице появились вкрапления имбецильности.

Флёр напрягся.

– Вы, небось, думаете, что это вас мадам Литера откомандировала? Фосфор вам на одно место, вот что! И не могу я вам скроить то, что вашей душе угодно, потому что то, что вы желаете надеть, есть лишь иллюзия формы. Вот, полюбуйтесь. – Стеклограф подбежал к встроенному в стену шкафу и раздвинул створки. На плечиках висели костюмы и платья, отливавшие всеми цветами радуги. Он принялся срывать одежду с вешалок и швырять на пол. – Вы полагаете, что это материя?! Ни черта подобного. Фантом это! Призрак! Деним, бомулд, вельвет, коттон? Ха-ха! Да ведомо ли

вам, что, когда вы отсюда выйдете, то превратитесь – даже не знаю, как вам сказать, – в набор букв и цифр – вот! Что расползетесь вы по листу черными чернильными закорючками и ничего-то вы не увидите, потому что материя, ха-ха, пресловутая ваша материя, так изменится, такую примет форму, что и не рады вы будете вашей заграничной поездке! Не рады, не рады! Жизнь для нас – только в Здании! За Ним – смерть! – Стеклограф безвольно опустился на пол и залился разноцветными слезами. Из глаз вытекали тушь, гуашь и акварель. Он шмыгал носом и плакал навзрыд. Марлевый компресс съехал набок.

– Нет никого! Никого нет!.. – причитал Стеклограф, утираясь вельветовым рукавом.

Флёр поднялся.

– Где-то я подобное уже слышал. Но, послушайте, – ему вдруг стало жаль этого сумасшедшего художника-кутюрье-таке-ур'щика, – мы же...

– Мы?! Мы?! – перебив Флёра, взвыл Стеклограф и забился в истерику. – Да наше право на жизнь грифеля ломаного не стоит!.. Все это подергивание ниточек!

Только тут Флёр заметил, что у Стеклографа в районе пупка находится «серебряная» фосфоресцирующая нить, по форме напоминающая кисточку-торчун. Стеклограф поймал взгляд командиремого и, будто читая его мысли, гаркнул:

– И стоит ее порвать, как все – нам конец! – И попытался

рвануть «серебряную» нить. Но рука отчего-то, словно через неосязаемый луч, прошла насквозь, нисколько ее не повредив. – Кошмар... Никакого права выбора. – Стеклограф поднялся и, всхлипывая, подошел к треножнику с мольбертом. Снял с него костюм, вытер слезы и произнес: – Облачайтесь.

– Позвольте, но у него же нет, как бы это точнее выразиться, тыла, что ли...

– Натягивайте, натягивайте, – трагически молвил Стеклограф, истекая краской. – Там вам и фасад не понадобится. Собственно, ладно. – Он перенес костюм на холст, перевернул и заляпал беспорядочными мазками.

– А майка с орнаментом, а лепесток?

– Всё внутри. Одевать сразу. Вливайтесь, – вновь сняв костюм с холста, велел Стеклограф.

Флёр взмыл, съежился и просочился в воротничок рубашки.

– Тогда зачем все это? – оторопел он, повязывая галстук с рыбкой.

– Циркуляры не обсуждаются, циркуляры исполняются. Дайте-ка я вам обувку нарисую. – Стеклограф вытащил из нагрудного кармашка пиджака цветные карандаши, нарисовал на прозрачной щиколотке носки, на ступне – подошву, а на подъеме – шнурки. Остаток ноги заретушировал малиновым. Затем взял двойной флакон с лимонным одеколоном в одной части и лаком-закрепителем в другой, нажал несколько раз на сдвоенный пульверизатор и обпшикал Флёра с ног

до головы. Развернув пульверизатор одеколонной клизмочкой, прыснул себе в рот.

– Для куражу, – всхлипывая, пояснил он и отошел в сторону. С сомнением посмотрел на правую брючину, вернулся и просто вытянул ее руками. Критически оглядел Флёра. – Не жмут штиблетики?

– Смеетесь, что ли? Как они жать-то могут? А вот костюмчик...

– В плечиках? Так я и думал.

Флёр утвердительно кивнул. Стеклограф подхватил сантиметр, взял иглу, наперсток, измерил и вновь *прослезил*:

– Ничем не могу помочь. Извините, у меня серый колер закончился.

– Слушайте, может, я – голым?

– Циркуляр. Не забывайте. Ну... прощайте... – Стеклограф затрясся в новом припадке. Флёр попытался его успокоить, положил руку на плечо, и тут творец-сумасброд, наподобие сломанного треножника, развалился, из костюма выпали карандаши с маркировкой «6М», борода Стеклографа сочной баклажанной мякотью упала к ногам командиремого, лицо вытекло, одежда винегретно расползлась по полу, «серебряная» нить замерцала и исчезла. Гений, даже не возопив, растворился.

Флёр испуганно побежал к двери. Но ее уже не было, как не стало и самого этажа с фланирующими курящими трубки и выдувающими пустые кольца идей декорат-дизайнерами,

с дурно одетыми костюмерами, с размалеванными макияжниками, наборами сохлых моделей и прочими make-up'щиками всех мастей и расцветок.

– Весь цех ликвидировали, надо же, – вслух произнес Флёр и полетел куда-то вниз, не ощущая того удивительного факта, что костюм сидел на нем как влитой и даже перестал жать в плечах.

Командируемый не больно шлепнулся о скользкий пол, отряхнулся, opravил «последний писк» и оглянулся по сторонам.

Мадам Фактура

По этажу сновали типы, удивительно похожие на канцелярские принадлежности. Тела многих напоминали металлические скрепки, лица – расплющенные кнопки, их чеканный шаг издавал звук работающего дырокола. В общей массе заметно выделялись потрепанные особи – разлинованные тетради одиннадцатого формата в картонных обложках с прошитым корешком, – они передвигались медленно, с достоинством, точно в них таилась сокровенная информация, доступная только посвященным.

Тут и там, между перевернутых стульев, плавали лебеди. Флёр присмотрелся – это оказались цифры «4» и «2».

На этаже пахло клеем, вытекшими батарейками, календарным годом, сокрытием доходов, просроченными плате-

жами и уголовной ответственностью – этаж принадлежал финансовому отделу.

– Вы из налоговой?

К стоящему около лифта командируемому подбежал колченогий типчик с пронырливым личиком, бегающими глазами и дохлой «серебряной» нитью, по которой, точно блохи, прыгали ополоумевшие цифры. Был он в сером костюме со смоляными нарукавниками. В маленьких, слегка влажных суетливых ручках он держал глубокие чаши. В левой покоились тонкий конверт, бонбоньерка с подарочными конфетами и золотой «Montblanc» в дорогом футляре; в правой – груда квитанций, приходно-расходных ордерков, учетная тетрадь и желтая потрепанная бумажка – заключение аудитора. Флёр с интересом посмотрел на левую чашу, которая перевешивала правую.

– Считаете, недостаточно? – испуганно спросил типчик, и конверт на левой чаше стал расти, будто на дрожжах. – Хватит? – заискивающим бархатистым тенорком поинтересовался он. Левая чаша прибила его к полу, и типчик стал напоминать сломанные весы.

– Пожалуй, – ответил командируемый, не понимая, что от него хотят. – Простите, а как мне к мадам Фактуре пройти?

– Ну зачем вам? Зачем? – затараторил типчик. – Сразу вот так вот... Может, еще договоримся?..

– А вы, собственно, кто будете?

– С вашего позволения, Баланс, замзав, – выпрямляясь,

представился тот.

– Квартальный? – пошутил Флёр.

– Что вы, что вы, – Баланс замахал чашами и чуть было снова не завалился на левый бок. – За год... Календарный я... Так, может, все-таки договоримся? – тихо и слегка неуверенно спросил он. – Конфетки... Коньячок... Кофе-ек... Ну, я там не знаю, премиальные... – Баланс недвусмысленно посмотрел на левую чашу, и его глазки забегали, как цифры на сломанном калькуляторе.

– Мне кажется, вы меня не за того принимаете, – пробормотал Флёр, и его брови, точно грифельные палочки, удивленно преломились.

– Как же, как же... Костюмчик, галстук, туфельки. Налоговый вы... Кофейнем? – источая мед, предложил Баланс.

– После, – пообещал командидуемый. – Мне вначале к мадам Фактуре надо.

– Ну что вы заладили, в самом деле... Сразу к заву. Может, что не так? Может, вы с ликером конфеты не любите, так я мигом. – Он стрельнул глазами, и бонбоньерка превратилась в россыпь трюфелей в конусовидных распашонках. – А хотите, могу ананасовых, грильяжа, миндальных... безе – поцелуй яичных белков и сахара, так сказать, – сострил Баланс.

– Конверт испортите, – ухмыляясь, ответил Флёр, посторонившись. Створки лифта открылись, и из него выползло крысовидное существо с папкой под мышкой, в безликой по-

тертой хламиде – не то костюм, не то платье.

Особь была бесполой, с востреньким личиком, шныряющим алчным взглядом и кривляющимися тонкими губами. Складывалось впечатление, что по лицу провели лезвием. «Серебряная» нить особи была безвкусно инкрустирована драгоценными камнями вперемешку с искусственными. В некоторых местах смущенно ерзала пластмасса.

– Прошу прощения, – проскрежетало существо. – Это финансовый отдел?

– Да, да, – нервно бросил Баланс. – Так как? – обратился он к Флёру.

– А позвольте узнать... – начало было существо.

– Не позволю! Что вам угодно? – высокомерно произнес Баланс. – Не видите, у нас разговор?

– Нет, я просто... – существо поковырялось в папке. – Мне уважаемый Баллон нужен.

– Нет у нас таких, – резко ответил тот. – Посторонитесь, не загораживайте проход. За существом показались два полных субъекта в казенных костюмах, очень напоминавшие наручники. Их «серебряные» нити нежно отливали сталью.

– Как конфетами пахнет, – мечтательно протянуло существо, покосившись на левую чашу.

– Не вам, не вам, – Баланс хищно отдернул руку и спрятал за спиной. – Проходите, не мешайте разговаривать.

– Нет, простите... Там уже дали... – существо взглянуло на бланк и зашуршало бумагами.

– Да проходите же вы! – не выдержав, заорал Баланс.

– Вот, – не реагируя на крик, процедило сквозь редкие зубы бесполое. – Точно, оно.

– Идите прочь! – рявкнул Баланс.

– Да, именно... Постановление на обыск. Изъятие документации с последующим превентивным задержанием в зависимости от результатов... Ваша фамилия? Обозначьтесь, – существо уставилось на командидуемого бездушным взглядом.

– Флёр. Из отдела лингвистики, – проямлил тот, покрываясь испариной.

Существо пробежало бесцветными глазками по постановлению и выщелкнуло:

– Жаль, не значитесь. Свободны. Волеизъявляйтесь, как пожелаете. А вы? – Глазки существа линчующе впились в Баланса.

– Отдел финансов, – гордо возгласил тот, но в душе его зародились странные предчувствия. – Чем могу?..

– Фамилия?

– Баланс – замзав отдела, – неожиданно для себя отрапортовал он.

– Вы документацией ведаете? – Существо приблизило к Балансу лицо цвета вареного лука и смрадно дыхнуло.

– С кем имею честь? – вскинулся обладатель вертлявых *рукочаиш*, провожая пламенным взглядом ускользящего Флёра. – На каком основании? Может, соизволите пред-

ставиться?

– Фискало. Из налоговой мы, – голосом, напоминающим мелодичную трель лобзика, ответило существо с хищным мошенническим блеском в глазах. Услышав эти слова, Баланс выпрямился по стойке смирно. Чаши весов выровнялись, голова дернулась, ножки шаркнули. Единственное, что выдавало его душевное состояние, были всполошившиеся *цифроблохи* на «серебряной» нити, в резких и неуклюжих скачках которых проглядывала паника.

– Ой, а мы-то уж ждали вас, ждали... – заюлил он. – Что ж вы так? Угощайтесь, с дороги-то... – И заботливо пододвинул к существу левую чашу.

– Предпочитаю с ликером. Трюфели ненавижу, грибные какие-то конфеты, – шамкнуло существо, ринувшись к правой чаше. Обнажив фарфоровые зубки, радостно залыбилось. Передний верхний резец нагло выпирал из пасти – показалась платиновая фикса с маленькой скромной бриллиантовой горошиной, вклепленной в металл. *Цифроблохи* вмиг перестали подпрыгивать и, казалось, затаили дыхание.

– Повременим, может? Не надо, а?.. – вдруг заголосил Баланс и попытался завалиться, симулируя апоплексический удар. Но упасть ему не дали. Субъекты, напоминавшие наручники, подхватили его под *рукочаши*, встряхнули и ласково так, с прихлебом в голосе, прошептали:

– Надо, милейший, надо... Раньше сядешь – раньше выйдешь. Поговорим?..

И втащили его в лифт. *Рукочаши* в какой-то момент протестуяще взметнулись вверх, но под стальной хваткой субъектов беспомощно обмякли.

Конверт подозрительно набухал. Трюфели скинули рубашки и деликатно спрятались в шоколадной темноте сакфьяновой бонбоньерки. На коробке золотом проступило: «Assorti». В букве «о» заискрило алмазом. Запахло помадно-фруктовой и сливочно-морковной начинками. Пастила, нуга, вишня с ликером, птичье молоко, миндаль в сахаре, глазурованный орех, белый шоколад – «Сортировщик Баланс».

В коридоре мелькнула белая шкурка Альбиноса и юркнула под какую-то дверь. Флёр подошел к створке и, прочитав на бронзовой табличке надпись: «Заведующая финансовым отделом мадам Фактура», – тихо постучал.

– Войдите, – раздался из-за двери чей-то дискант.

Командируемый открыл дверь и оказался в конференц-зале. Длинный некрашенный стол для заседаний был завален документацией и заставлен немывтыми кофейными чашками. Перпендикулярно ему стояли небольшой желтый секретер в чернильных пятнах и облезлая канцелярская тумбочка. Из-за шаткого секретера показалось тщедушное, листообразное, потрепанное жизнью телесо с огрызком «серебряной» нити.

– Из налоговой? – спросил листок, закашлявшись. – Присаживайтесь.

Листок болезненно кивнул на разбросанные деревянные стулья со вспоротыми засаленными обшивками.

– Командируемый я, – устало произнес Флёр, подняв за спинку один из стульев.

– Денег нет, – резко ответил листок сытым басом и тотчас превратился в массивную кожаную тетрадь с толстой волокнистой «серебряной» нитью. – Предприятие в убытке, только за свой счет.

– Но мне сказали...

– Мало ли что вам наплели.

Тетрадь направилась к серванту красного дерева, который мгновение назад был непримечательной тумбочкой, – на письменном столе, обтянутом глубоким зеленым сукном, появились ежедневник «Moleskine», бутылка дорогого многозвездочного коньяка и одна изящная рюмка.

– Вам не предлагаю, в командировку следует отправляться трезвым. – Мадам Фактура плеснула в рюмочку и пригубила. – Аромат! – Клеточки глаз в неге закатились. – Еще вопросы? – Мадам с любопытством окинула командидуемого блудливым взглядом.

– Суточных бы... – выдавил Флёр.

– Опять вы за свое, – недовольно буркнула она. – Сказано же, голодаем. И не садитесь в кресло. Продавите.

– Вы же сами предложили, – обиделся командируемый, застыв в неестественной позе. Руки его продолжали покоиться на спинке кресла. Спинка была резной, ножки – изо-

гнутыми, золочеными, материя – в алых порочно-парчовых розочках.

– Я не вам предлагала, а социальному статусу, – уточнила мадам и, выставив мизинчик, снова подняла рюмку. Чувствовалось, что жизнь ее весьма благополучна и протекает с «оттопыренным пальчиком». – Бывайте! – Она сделала глоток и вдруг произнесла: – А может?.. – Зашевелив листьями, Фактура раскрылась на середине. – Я вам нравлюсь, накрахмаленный?

– Я прям не знаю, – Флёр смущенно потупил взор.

– Изголодались мы тут. – Она поднялась и, перебирая листиками, волоконцами и клеточками, направилась к Флёру. По пути захватила из серванта вторую рюмку. – Сами понимаете – Балансики, Финансики, Бюварчики... неуравновешенные, истеричные, взбалмошные... Скучно с ними, право слово. А еще Маркеры ультрамариновые захаживают, тьфу, гадость. Глотните, рыцарь призрачного образа! – Мадам протянула Флёру уже наполненную рюмку. – Только на бру... Я вас умоляю... дер... Не обижайте мадам – вдову Бухучета... шафт... – И сомкнулась над Флёром.

– *Брудерфарш* какой-то получился, – чуть слышно пискнул командиремый и тотчас заголосил: – Выпустите меня! Выпустите!

– Бесстыжий, а бесстыжий, я вам не симпатична? – чуть ослабив объятия, жеманно спросила она. – Ах! Я такая мур-мур-мур... муаровая...

– Закройтесь, не смущайте юношу... Муаровая... – задыхаясь, сказал Флёр, высвободился и сделал шаг к двери.

– Все вы такие, командируемые... невнятные какие-то, – поджав волоконца, обиделась мадам и захлопнулась. Тяжело опустилась на стол для заседаний. – Может, вам обложка моя не нравится? Может, кожа не та? – простонала она, попытавшись раскрыться прямо на столе.

– Не в этом дело, – заикаясь, произнес Флёр, отводя взгляд. – Просто, ой, ну я вас умоляю... я люблю безопасность в отношениях, понимаете... Я даже у врача еще не был, – неожиданно для себя вдруг выпалил он.

– Как – не были? – Мадам резво соскочила со стола и, захлебнувшись в праведном гневе, проорала: – Да как вы посмели!!! Как?! Как?!

– Что вы говорите такое, как вам не стыдно! – сконфузился Флёр, догадавшись о том, что мадам имела в виду, но из-за врожденной скромности не произнесла.

– Мне стыдно?! Мне?! – забасила она, налетев на него, точно фурия. – А если бы вы перезаражали тут всех?!

– Ну уж, так-таки и всех, – проронил командируемый, пятясь к двери.

– А как вы думали? Ко мне, между прочим, со всех отделов ходят. Это что ж, чтоб меня потом в *бес*-порядочности обвинили? Что ж вы меня дискредитируете! Командируемые, знаем мы вас! Три дня в командировке – месяц на пенициллине! Вон! Вон! Зараза такая! – Она ринулась на него,

но Флёр ловко выскользнул из кабинета и быстро захлопнул за собой дверь, за которой что-то хлопнулось об обшивку.

Командируемый осмотрелся. Кнопки сочувственно смотрели на него и отводили взгляд. Скоросшиватели и Степлеры понимающе кивали и, проплывая мимо, ободрительно хлоппали по плечу, отчего оставалась долгая колющая боль.

Одно только Пресс-папье, по неведомой причине оказавшееся в отделе финансов, никак не отреагировало на появление Флёра – оно вяло покачивалось из стороны в сторону и бесполом голосом обращалось к среднеродому Перу:

– Написали-промокнули, написали-промокнули... Получилось «Оно».

Перо-писало тем временем юрко строчило что-то на полу, не обращая внимания на Пресс-папье, которое со стороны очень смахивало на уборщицу, прибирающую мусор. «Серебряные» нити у обоих были в виде полых трубочек.

– Сумасшедший дом, – пробормотал Флёр и вдруг увидел полуголового Баланса с фиксатым существом и пересмеивающимися типами, совсем не похожими на наручники. У каждого из кармана торчало по золотому «Parker'у». От них пахло ликером и самодостаточностью. «Серебряные» нити искрились смарагдами. Один тип держал взорванную коробку «Assorti» и был перепачкан в шоколаде, другой – тянул неподъемный пакет, в котором перемешались кулинарные изделия, некогда носившие названия пряников с начинкой, шоколадных кругляшей, ореховых квадратиков и песочных

глазков, сейчас же принявшие вид сплошной густой варени-
евидной массы: конфитюр в песке, джем в комках, варилово.

– Эй, Баланс-замзав... – с издевкой говорил несший па-
кет, разбрасывая на ходу крошки. Лицо у него при этом было
мучнистым, с многослойной улыбкой во всю пасть. – Возьми
веночек с джемом, для тебя венки ща крайне актуальны...

– Ага, – сочно и сладко расхохотался другой, растянув в
жирном гоготе мармеладные губы, – и это... клетчатое пе-
ченько с хворостом...

Существо несло полуоткрытый кейс, распухший от кон-
вертов, и алчно шныряло взглядом по сторонам. Баланс же
глупо и беспомощно улыбался, думая лишь о том, как бы по-
скорее усмирить беснующуюся на аркане вошь в левом кар-
мане пиджака, где еще недавно лежало пухлое портмоне, но,
поравнявшись с Флёром, вдруг оживился и зло проскрипел:

– Ловко вы меня подставили. Благодаря вам без штанов
остался. Са-мо-зва-нец!

– Вот тут только ошибочка небольшая у вас, – обратив-
шись к Балансу, нежно прошипело существо, по тонким гу-
бам которого проползла острая бритвочка языка, – но ниче-
го, сейчас к мадам Фактуре зайдем и исправим. И как обе-
щали: заключение в лучшем виде будет.

– Мало вам, – фатально бросил Баланс, глянув на притих-
ших *цифроблох*.

– Кушать всем хочется, – шамкнуло существо и, порав-
нявшись с дверью, спросило: – Здесь?

Баланс печально кивнул. Существо постучало:

– Именем налогового законодательства, приготовьте бакшиш!

– А?!

– Хабару давайте! – существо в нетерпении пнуло дверь ногой, отчего *цифроблохи* на «серебряной» нити Баланса всколыхнулись, заволновались, сорвались вниз и с писком и причитаниями разбежались в разные стороны. – Фискальный сбор! Мзда! Хапанцы!

– Так бы сразу и говорили, – раздался бодренький дискантик. Дверь открылась, и на пороге появился маленький мятый листок с морковным чаем в худеньких бескровных ручках. Посторонившись, он пропустил в кабинет одну мечущуюся, держащуюся за голову *цифроблошку*, которая отбилась от подруг.

– Экая у вас фактура хлипкая, – невольно скаламбуририв, заметило существо и шагнуло в кабинет, наступив на что-то многоверткое, но малоудачливое, превратившееся из верченной восьмерки в два расплющенных «ватерклозетных» ноля.

– Да уж, не Гроссбух, – басовито хохотнул один из сопровождающих.

– Мор, повальный голод и безденежье, – ответил листок, чахоточно закашлявшись; окинул коридор цепким взглядом воришки, заметив Флёра, погрозил ему костлявым кулачком и закрыл за самодостаточными типами с ущербно-ущемленным Балансом скрипучую деревянную дверь, на которой

вместо бронзовой узловой таблички висела приколотая булавкой разлинованная бумажка.

Командируемый хмыкнул, сделал шаг в сторону, неудачно поскользнулся, попытался сбалансировать, но тотчас остушился и покатился вниз по лестнице.

Отдел отобразительных искусств

В отделе *отобразительных* искусств все сверкало. Стены, оклеенные разноцветными и черно-белыми фотографиями, пестрели вырванными из жизни кусками – разный формат, пустые судьбы, смешение цветовой гаммы, взаимоисключающая направленность. Овальные, квадратные, треугольные. Семейные – торжественно-глупые, визовые – напыщенно-умные; одиночные – в профиль, в фас, в мозжечок; групповые – в коленные чашечки, в сплетенье рук... в пьяный взгляд. Младенчиков, стариков, ликвидаций.

Особенно яркой была фотография в черной рамке, на которой с трудом угадывалась подрагивающая «серебряная» нить и испуганно-удивленное лицо испаряющегося незнакомца. Надпись под фотографией гласила: «Момент ликвидации». Около крепового снимка висела фотография размером поменьше – в розовой рамочке с наклепленными безвкусномордыми херувимами без штанов, с режущей глаз вспышкой и знакомым остроносым личиком.

– «Рождение мадам Литеры», – прочел Флёр. – Вот оно

как! Стало быть, можно уловить моменты, – произнес он в пустоту и подошел к двери, на ручке которой висела картонка со словами: «Засветишь – линчую. Перфораций». Командируемый долго и вдумчиво вчитывался в надпись, но, так и не поняв ее смысла, потянул дверь на себя.

– А-а-а! Засветил, засветил, поганец! – из-за двери показалась белая всклокоченная шевелюра и смуглое расстроенное лицо.

Перфораций был одет, словно собирался на прием. Смокинг, сорочка, бабочка, лаковые туфли. Но что-то неуловимое в его облике смущало Флёра. То ли зернистое лицо, будто изъеденное оспинами, то ли смокинг, который в некоторых местах был побит молью, а рукава так и вовсе, казалось, были пробиты перфоратором. Руки у него были в волдырях и исторгали резкий запах ихтиоловой мази, смешанной с «фруктовой водой»⁶, – судя по всему, Перфораций пользовался фотохимикатами не очень осторожно.

– Ты что, читать не умеешь? День работы, урод! Я же пленку проявлял. Кто мне теперь ликвидацию кутюрного цеха восстановит?

– Я очень извиняюсь, – залопотал командируемый. – Я же не знал, что вы...

– Ты сам-то откуда такой любопытный выискался? Отвечай.

Перфораций вышел в коридор и ткнул антрацитовым ног-

⁶ «Фруктовая вода» (сленг.) – фотохимикаты.

тем в плескающемся в изумрудном галстуке Тимошку.

– Отдел лингвистики. Флёр.

– Замечательно, – ощетинился тот белыми усами. – И читаешь, наверное, как все лингвисты, только между строк. Там, где белое все. Нет, ну надо же, в самый ответственный момент. Я вроде бы даже Альбиноса запечатлел и Тех, Кто цех ликвидировал. И на тебе! Нет, ну несчастье, просто горе. И кто тебя на мою голову послал? Что, нельзя было несколько минут подождать? Я же не знаю, когда следующая ликвидация будет. У меня все спонтанно – дело случая. Как теперь быть?

– Может, я могу вам помочь? – Флёру стало неудобно за содеянное, и он хотел загладить свою вину.

– Нет, ну вы на него посмотрите, чем же ты мне поможешь? Цех реинкарнируешь, что ли? Ты вообще зачем пришел? Я тебя звал? Ты у меня по записи? Кто ты такой? – снова спросил Перфораций, забыв, что тот уже представился.

– Флёр – командированный.

– Это еще куда? – вдруг заинтересовался Перфораций, озабоченно склонив седую голову.

– В Запредел.

Повисла долгая черная пауза. Перфораций отодвинул свисающую с косяка двери штору, включил свет, затащил Флёра внутрь, перевернул табличку другой надписью, более длинной, но не менее беспощадной: «Внимание! Идет съемка! В кадр не попадать, засвечу! Перфораций Негативный», –

закрыл за собой дверь, кинул засвеченную пленку в корзину, предложил командируемому стул и сел напротив. Флёр огляделся. С проволоки, протянутой из одного конца комнаты в другой, свисали сушащиеся шкурки змей с дырочками. На столе красовались фотобачок, ванночки с проявителем и фиксажем, увеличитель, пылающий белый фонарь и мертвый красный.

– В Запредел, значит? – нарушил тишину Перфораций. Сдул с бледно-молочного лацкана агатовую пылинку, поправил лилейную бабочку на вороной сорочке и расчесал седые кудри белой расческой. С нежностью посмотрел на рафинадно-сверкающие туфли и снежные шелковые гольфы. Поправил приколотую к лацкану аспидную бутоньерку.

– Да, – горько произнес командируемый и только тут понял, что именно ему показалось странным в Перфорации: цветовая гамма – бело-черная, наизнанку. Даже «серебряная» нить у него была эбонитовой, выходящей из перламутровой пуговицы на смокинге.

– Дай-ка я тебя напоследок сфотографирую, – предложил фотомастер.

Перфораций снял с полки, на которой стояли пластмассовые коробочки с *нечувствительными* к трагическим событиям фотопленками, старенький обшарпанный фотоаппарат, закрепил его на штативе, пересадил Флёра к отражающему свет экрану, рядом с которым теснились зонтики из фольги, направил на него осветитель, посмотрел в видоис-

катель, установив выдержку и диафрагму, навел на резкость и со словами: «Замри. Не улыбайся. Сделай скорбное лицо. Больше скорби, больше. Губы вниз, кадык вверх. Подбери язык. Да не высовывай, а подбери, я сказал. Вот так. Держать!» – спустил затвор.

– Ты какой формат предпочитаешь? – выключив осветитель, поинтересовался Перфораций.

– Мне все равно, – возвратив кадык на место, ответил Флёр.

– Хорошо, подумаю. А рамочку украшать как будем? Черной лентой наперекосяк или в венки из искусственных цветов воткнем? В лилиях или в плачущих серафимах? – спросил Перфораций, разбирая штатив. – Надеюсь, не цветную? А то как-то оно жизнерадостно получится – в красочках-то.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.